

© 2000 г. А. АЛЬКВИСТ

МЕРЯНЕ, НЕ МЕРЯНЕ... (II)*

МЕРЯНСКАЯ ЛИ МИГРАЦИЯ?

А.К. Матвеев расширяет территорию предполагаемой им мерянской миграции на ВП [Матвеев 1998: 96, 98], но вместе с тем, видимо, суживает исходный пункт миграции, сосредоточивая его именно на ростовской территории и сняв с учета гипотезу переселения в далекий микрорегион населения с другой, Суздальской, земли (см. [Матвеев 1996: 12])⁹.

Исследователь дает понять, что мерянский язык существовал и севернее территории современных Владимирской, Ивановской, Ярославской, частично Костромской и Московской областей [Матвеев 1998: 95]. Археологами северная граница мерянского расселения пока не восстанавливается [Леонтьев 1996: 269]. Предварительно об этом можно судить на основании топонимии. Я с Матвеевым согласна относительно одного мерянского индикатора, а именно речного названия *Векса* (ср. [Матвеев 1998: 96–98]). Кажется, что нет никаких препятствий в определении приблизительной границы Мерянской земли в северном направлении немного севернее города *Вологда*. До этой территории распространяется и ареал другого мерянского индикатора, выделяемого нами, а именно форманта *-хта, -гда*.

Уже со ссылкой на своеобразие топооснов кубенских названий на *-бол (V)*, *-бал(V)* предположение о вологодской группе мери кажется обоснованным (см. [Матвеев 1998: 97]). Само собой разумеется, что на такой огромной территории мерянский язык был далеко не однородным. На самом деле, нам даже не известно, назывался ли язык народа, проживавшего за пределами территории, указанной в летописях, именно мерянским (*мерьский*) или как-нибудь по-иному [Ahlqvist 1999: 632].

На основе только некоторых выделенных компонентов [Матвеев 1998: 101] мы бы не делали вывод о том, что "центральная и костромская меря по языковым показателям **з н а ч и т е л ь н о** (выделено мной. – А.А.) различались". Вологодская, видимо, больше. Однако вологодскую мерю необязательно связывать с мерей основных территорий только путем по Шексне, хотя и он, безусловно, использовался. Следует помнить, что самое северное исследованное археологами мерянское селение, Телешово [Леонтьев 1996: 26; Яр. обл. 1997: 9], расположено в Ярославской области, только в 60 километрах от Вологды (ср. [Яр. обл. 1997: 9; Вол. обл. 1998: 94, 115–116]). Север же Костромской области, конечно, тоже рядом с Вологодской и их населенческая основа одна. Естественным является предположение о переходе населения в мерянское время именно из Костромщины на Вологодщину, но стоит ли в связи с подобными смежными территориями говорить о **м и г р а ц и и** (ср. Матвеев 1998: 101)? Вряд ли стоит сомневаться в способностях мери ориентироваться; конечно же,

* Первая часть статьи опубликована в ВЯ. 2000, № 2.

⁹ В 90 верстах от Костромы упоминается Николаевская церковь, прозываемая "что на Суздальце" [Самарянов 1875: 55]. Видимо, речь идет о притоке Тебзы, реке *Суздаль* [Костр. обл. 1997: 36]. Можно ли здесь видеть след распространения населения с центральной мерянской территории на Костромскую?

костромские меряне не хуже нас знали и прямой путь на вологодские земли (ср. [Матвеев 1998: 102]). В любом случае эти костромско-вологодские пограничные земли должны были относиться к мерянским угодьям.

Не костромская мера в целом [Матвеев 1998: 101], а ее восточная часть была ближе к марийцам (см. [Попов 1974: 24–26]). На востоке, как утверждает А.Е. Леонтьев, граница Мерянской земли проходила по реке Унже, почти вплотную приближаясь в верхнем ее течении к землям мари в Поветлужье [Леонтьев 1996: 269]. Поэтому и неудивительно, что по реке Унже еще достаточно хорошо помнят о черемисах. Местные летописи упоминают о том, что даже воевавшие между собою удельные князья галичские нанимали себе в помощь "Чудь и луговую Черемису" [Самарянов 1875: 54].

С тем, что костромской диалект мери мог быть переходным от мерянского языка к марийскому или испытал влияние с его стороны, я с А.К. Матвеевым [Матвеев 1998: 101] согласна при том условии, если говорить о восточной части Костромщины (ср. [Альквист 1997: 32–33]). К таким сходным с марийским языком компонентам скорее всего и относится *енгарь* ~ *ингирь* ~ *энгер* (ср. [Матвеев 1998: 102]), ареал которого в Костромщине располагается достаточно четко, как говорилось выше, восточнее бассейна Немды.

Само собой разумеется, что и севернее жило финно-угорское население. Всю территорию, по крайней мере от Средней России до Белого моря, можно видеть сплошным продолжением заселения финно-угорских народов и племен. Естественно, промежутки в заселении могли местами быть и значительными. Однако на уровне угодий земля была занята. По всей территории идут цепочки достаточно большого числа общих компонентов древней топонимии, связывающие далекие друг от друга территории (см. [Альквист 1997: 33]). Вопрос и состоит в том, являются ли имеющиеся многочисленные топонимические параллели результатами пока неизвестных миграционных процессов или же просто остатками близких когда-то по языку племен и народов, которые, естественно, не могли не иметь контактов не только с близкими соседями, но и с далекими, что было необходимо уже на основе торговых связей?

А.К. Матвеев дает понять, что на самом деле вся территория от ИМЗ до ВП – мерянская (см. [Матвеев 1998: 98, 102]). Расстояние же от вологодских окрестностей до ВП большое. В промежутке между Вагой, Сухоной и Кубеной предположительных мерянизмов Матвеевым пока не обнаружено, "кроме... топонимов *Вожбал* и *Сомбал* (и) *Вылшонтасная*" [Матвеев 1998: 98], последний из которых звучит характерно "по-пермски": ср., например, множество коми топонимов с приставкой *выль* 'новый' или *вылыс* 'верхний' [Афанасьев 1996: 51]. Ср. также приток реки Сухоны – *Шонтас* [Вол. обл. 1998: 74].

В ВП не обнаружено ни одной *Вексы* [Матвеев 1998: 98]. Зато к Важской земле относится название реки *Икса* и озера *Иксоозеро* [Кучкин 1984: 276, 336], соответствующие именно марийской форме слова *икса* 'залив; бухта; залив реки, который на лето пересыхает; озеро, из которого вытекает река; маленькая река, соединяющая два озера или болота' и т.д. (см. [Saarinen б.г.]). Насколько нам известно, гидронимия на *-хта*, *-гда* также не распространяется в ВП. При отсутствии названных мерянских топонимических показателей мало вероятно, что именно меряне (центральной территории) или их непосредственные потомки переселились в ВП. Ведь на основании приведенных топонимических данных можно сделать вывод, что предполагаемые переселенцы из Мерянской земли должны были еще хорошо владеть своим языком. Иначе нельзя было бы объяснить, например, такое многообразие основ названий на *-бол*. Из этого следует, что, хорошо владея своим языком, мигранты бы оставили после себя и самые общие показатели мерянской топонимии, к которым мы относим также основу *Кунд(V)* – 'отдельная часть селения' и т.д., широко распространенную на центральной территории мери (см. [Альквист 1998: 8–10]): ведь в предполагаемой миграции речь идет именно о данной территории. Но зафиксирована ли данная основа в ВП?

Синий камень в большой мере фигурирует в СУ [Матвеев 1998: 97, 103]. Сведения о новом Усть-Кубенском *Синем камне* [Матвеев 1998: 97] очень хорошо совпадают с новой находкой нашей экспедиции *Синего камня* около бывшей деревни Обухово немного севернее города Вологды, где он расположен рядом с *Чертовым камнем*. С данным *Синим камнем* связана легенда о золотом зайце. (Интересно, сохранились ли в связи с *Синими камнями* СУ сведения о каких-либо традициях или легендах?)

Также в Кашинском районе Тверской области имеется *Синий камень*. В той же местности есть и другой "синий камень", получивший, возможно, свое имя уже впоследствии, как нам утверждали некоторые местные жители. Последний может оказаться как раз чисто "цветовым", о чем пишет А.К. Матвеев [Матвеев 1998: 97]. Остальные же *Синие камни*, о которых у нас имеются сведения (в настоящее время больше тридцати) перепроверены в этом отношении, по возможности, от нескольких информантов, и они являются не "цветовыми", а носят мифологический характер.

А.К. Матвеев интерпретирует *Синие камни* Ярославского края и ВП как своеобразные мерянские индикаторы русского происхождения [Матвеев 1998: 97]. Нам кажется, что чем больше мы будем иметь сведений о *Синих камнях* внемерянских территорий, тем труднее будет считать их только мерянскими. Такой в общей сложности достаточно широко распространенный культурный индикатор, как *Синий камень*, без других еще более ареально разграниченных индикаторов типа *Мирских камней*¹⁰, пока не обнаруженных на РС (см. [Матвеев 1998: 96]), настораживает. Это связано прежде всего с тем, что явление *Синих камней* распространяется далеко за пределы предполагаемой Мерянской земли. Сведения самого Матвеева о ряде *Синих камней* по всей территории РС [Матвеев 1998: 97], говорят в пользу большей общности явления. Вместе с тем *Мирские камни* сосредоточены именно в исходном пункте предполагаемой Матвеевым миграции.

О наличии *Синего камня* нами получены сведения и около Великого озера Тверской области, которое, по всей вероятности, находится уже за пределами территории. Здесь, возможно, проходит полоса этого явления, направленная в сторону прибалтийско-финских земель. В связи с этим напомним о наличии ряда финских соответствий *Синему камню*, а именно *Sininen kivi*, *Sinikivi* ('Синий камень') или во множественном числе *Siniset kivet*, а также *Sinikallio*, *Sininen kallio* ('Синяя скала') [НА б.г.; Альквист 1995: 17]. На продолжение рассматриваемого явления с востока указывает, скорее всего, и расположение финских соответствий внутри страны. Напомним, однако, что даже при хорошей собранности топонимии территории Финляндии в Архиве названий [НА б.г.], пропуски, например, в названиях камней имеются. Думается, что *Синих камней* могло быть больше и на территории Финляндии.

У марийцев *Синие камни* не отмечаются [Матвеев 1998: 101]. Однако возникает вопрос, есть ли у марийцев хотя бы какие-то следы наличия этого явления? Отметим, что в Прикамье в бассейне Чусовой имеются три *Синих камня* и один *Синенький* [Галушко 1962: 45]. В любом случае еще не известно, к чему может привести систематическое исследование замерянских территорий относительно *Синих камней*. Так, кроме южного, мещерского, *Синего камня* [Альквист 1997: 34], во время последней нашей экспедиции были выявлены пять новых *Синих камней* по всей южной части Ивановской области, на юго-восточных пограничных землях мери и, видимо, за их пределами. (Камни будут нами обсуждаться дальше в другой связи.)

А.К. Матвеев поднимает проблему топонимии с основой *вохт-* (*Вохтоболка*, *Вохтога*, *Вохтома*) [Матвеев 1998: 99]. По его сведениям, именно в данном виде основа

¹⁰ *Мирские камни* мы не интерпретируем как *Мерские* (см. [Матвеев 1998: 96]), а спрашиваем «не может ли за этим названием прятаться этноним *меря*, и не идет ли здесь первоначально речь о "*мерских камнях*", т.е. о камнях, которым меряне и их потомки поклонялись?» [Альквист 1996: 253]. Ответа на этот вопрос у нас пока нет.

образует единый северо-мерянский – северо-русский ареал. Он выделяет коррелятивные основы *бохт*-, *охт*- и *ухт*-, относящиеся к числу самых распространенных на РС. В добавлении протетического звука *в*- в основе *Вохт(V)*- следует видеть какую-то северную фонетическую черту. В этой связи интересно замечание о том, что протетический *в*- перед начальным гласным встречается и в марийском языке [Матвеев 1998: 99]. Ср. костромский потамоним *Вохтома* [Костр. обл. 1997: 24].

Ареал компонента *Вохт(V)*- входит в общий северный (?) ареал основы *Охт(V)*-, включающий и вепскую территорию (см. [СГБС 1997: 143]). Южнее, в том числе на ИМЗ, основа встречается в форме *Ухт(V)*-. Форма с *о*- напоминает больше язык саамского типа, тогда как форма с *у*- ближе к прибалтийско-финско-мордовско-пермского типа языкам. В словах общего, раннепрафинского происхождения в первом слоге финскому *и*, как правило, соответствует саамск. (С) *о* [Korhonen 1981: 82].

Кроме того, на всей большой территории распространения компонента встречается и форма *Уст(V)*-, даже *Ушт(V)*-, что объясняется колебанием в Средней России *ш* ~ *х*, а также *ш* ~ *с*. Получается, что часть однокоренных названий не претерпела перехода *с* в *х*, свойственного прибалтийско-финским языкам. Так, для Тульской губернии упоминается река *Уста* (*Устомка*) [Смолицкая 1976: 62]. Ср. *Устишка* (*Устонь*, *Устань*) – река, Моск. губ.; *Устань* (*Устон*) – река, Ряз. губ.; *Устрека* – река 1) Пенз. обл. [Смолицкая 1976: 117, 124, 254], 2) Арх. обл. [Арх. обл. 1995]. Сюда может относиться и река *Востошма* Галичского района Костромской области [Костр. обл. 1997: 36]. К Тамбовской губернии относится озеро *Ушта* [Смолицкая 1976: 244], а на вепской территории есть *Оштозеро* (*Аштозеро*) [СГБС 1997: 61].

Река же *Устье* – это, скорее всего, не что иное, как соответствие гидрониму *Ухта*. Однако впоследствии это название стало иметь народноэтимологическую связь с русским апеллятивом *устье*, как оно теперь, собственно говоря, народом и понимается. Так, владимирская река *Устья* имеет варианты названий *Устека* (< **Устега*?), *Усть*, *Устьянка* [Смолицкая 1976: 219].

У названий вологодской реки *Устюг*, а также городов (*Великий*) *Устюг* и *Устюжна* основа, как мы предполагаем, должна быть отождествлена не с названным русским апеллятивом (ср., например, [Нерознак 1983: 182]), а с тем же топонимическим компонентом *Ухта*. О финно-угорском происхождении основы свидетельствует, на самом деле, уже наличие в названии форманта *-юг*. Речка *Устанка* на юге Костромской области [Костр. обл. 1997: 51] является, вероятно, такой же **Ухтанкой*. Также на северо-западе марийской территории течет река *Уста*, вполне совпадающая с *Устьем* территории мери и СУ.

Фонетически форма *Ухта* соответствует прибалтийско-финским языкам (ср. также мерянский компонент *-хта*, *-гда*), тогда как *Уста*, *Устье* (и соответственно гидронимия на *-кса*, *-кша*) архаичнее и, возможно, представляет окаменевшую форму более древних слоев финно-угорского субстрата. С фонетической точки зрения можно сравнивать, например, названия рек *Кихть* за Кубенским озером [Вол. обл. 1998: 48, 70] и *Кисть* Ярославской и Костромской областей [Костр. обл. 1997: 12–13, 25], варианты названия владимирской реки *Кижтома* ~ *Кихтома*, названия смежных оврагов *Рузмислей*, *Кардихлей* в Нижегородской губернии [Смолицкая 1976: 212, 263] и разные проявления гидродинамического форманта *-сьма*, *-шма*, *-хма* в речных названиях типа *Пулохма* и *Кисьма* в Ярославской области, *Кинешма* в Ивановской. Соответствующим образом архангельские потамонимы *Колежма* и *Колахма* предполагаются идентичными [WRG 1962–1963, II: 398, 400].

А.К. Матвеев считает, что "по крайней мере часть топонимов с основой *вохт*- могут оказаться мерянскими по происхождению, и все – по употреблению" [Матвеев 1998: 99]. Естественно, что все сохранившиеся субстратные топонимы мерянской территории должны быть не только мерянскими, но и русскими по употреблению, – иначе

мы бы о них уже и не знали. По фонетическому рассеиванию и по огромной площади ареала можно оценивать данную топонимию как очень древнюю. Даже на мерянской территории данная топонимия должна являться субсубстратной.

В новом изложении большое внимание обращается на северное название *Едьма*, в котором предполагается мерянское слово, возможно даже два [Матвеев 1998: 98–99]. Если данный компонент был бы именно мерянским, тем более относящимся к территории, упомянутой в летописях, он встречался бы и там. Однако у нас о нем имеются скудные сведения. Есть река *Эдома* на Ярославской земле [Яр. обл. 1997: 17–25]; окончание *-(V)дом(a)*, *-(V)том(a)* изредко встречается. А.И. Попов видит в этом компоненте семантику 'какой-то вид угодья или поселения' [Попов 1974: 19]. В некоторых случаях возможно и разное происхождение похожего компонента, а именно наличие каритива, показывающего отсутствие того, что выражено корневым словом (см. [Ткаченко 1985: 102–103]). Только этимологизация топоосновы может подтвердить наличие каритивной формы.

На основе контаминации А.К. Матвеев связывает с северным топонимическим гнездом «мерянское слово, родственное марийск. *идым* 'гумно, ток'», считаемое тюркским заимствованием [Матвеев 1998: 99]. Проблема в том, что никаких сведений о тюркских заимствованиях в мерянском у нас нет, тогда как в марийском их множество. Возникают и временные проблемы. Это предположение, однако, указывает опять на марийскую сторону¹¹. Без дополнительных сведений само слово *едьма* разумно считать фонетическим вариантом *едома*, семантически подходящим и к северному компоненту (ср. [Матвеев 1998: 98]). Ср. фонетически, например, ярославские параллельные названия *Кисьма* ~ *Кисома* или ярославо-костромскую пару *Нозьма* ~ *Нозома*.

Нас поражает стойкость А.К. Матвеева, полагающего, что в соответствии с треугольником – СУ > ВП–Меря–Мари – абсолютное большинство приведенных им "мерянских этимологий" восходит к марийскому языку, что, конечно, естественно, раз он считает мерян очень близкими к марийцам. Рассматриваемый материал имеет очень яркую марийскую окраску, включая антропонимию, и действительно на ИМЗ им не находится соответствий (см. [Матвеев 1998: 99–100]). Подобную "меряничность" даже на северных, костромско-вологодских территориях мерян не найти. Матвеев и сам признается, что приведенная им новая серия названий ВП "этимологически еще больше сходна с собственно марийскими наименованиями, чем топонимы СУ" [Матвеев 1998: 100].

А.К. Матвеев убежден, что триада топонимов *Ростово–Устья–Которосль* перенесена с Ростовщины на СУ [Матвеев 1998: 96]. Мы уже указывали, что скопление некоторых топонимов может быть показательным, но только в том случае, если действительно идет речь о крайне редко встречающихся названиях [Альквист 1997: 33]. Достаточно часто представленная лимнонимная основа **Которо*, зафиксированная и с другими суффиксами, не может убедить нас в обязательности ее переноса на другую территорию. Трудно представить себе, что при переносе произношение потапонимов *Устье* и *Которосль* остались бы настолько литературноподобными: кроме приведенных вариантов произношения названия реки *Которосль*, следует обратить внимание на часто встречаемое произношение гидронима *Устье*, а именно *Усье*, *Усья* и т.д.

Важно помнить о гидронимическом начале предполагающихся переносных названий: даже к *Ростову* можно найти сравнения типа озеро *Ростовское*, Влад. губ., реки *Ростовка* и *Растовка* (*Ростовка*), Моск. губ. [Смолицкая 1976: 96, 109, 225]. Аналогичные компоненты встречаются в субстратной топонимии большой территории северной Евразии. По крайней мере *Устья* и *Которосль* относятся к древнейшим гид-

¹¹ Напоминаем о влиянии волжских булгар в северном направлении, а именно на верхней Двине, в низовьях Сухоны и бассейне р. Юга, захватив в 1219 г. город Устюг (см. [Кучкин 1984: 89]).

ронимам. Необоснованно утверждать [Матвеев 1998: 96], что топонимия СУ намного моложе топонимии ИМЗ: уже до указанного периода, XIII–XVI вв. и в СУ имелся по крайней мере солидный гидронимический слой. В предыдущей статье [Матвеев 1996: 14–15] наличие в СУ более древней топонимии справедливо считалось вероятным. (Естественно, и топонимия ИМЗ во многом образована значительно раньше X в.). В отношении гидронимов следует особенно осторожно делать выводы об их переносе. До этого надо делать все возможное для выделения общих черт даже далеких параллельных названий.

При переносе названий следовало бы ожидать хотя бы какой-то доли действительно редких ойконимов, в данном случае именно названий на *-бол(V)*, *-бал(V)*, которые в достаточно большом количестве встречаются на территории СУ (ср. [Матвеев 1998: 103]). Конечно, часть из них могла исчезнуть, но нередко и такие ойконимы продолжают жить, например, в названиях урочищ. Из приведенных северных названий данной модели только *Вороспало* может быть сравнено с подростовским ойконимом *Воробол* (*Воробылово*), и даже здесь мешает непривычная суффиксация (*-с*) в конце основы. Зато в Костромской области есть речка *Ворос* [Костр. обл. 1997: 27]. Если пофантазировать, можно отождествить основу названия *Сарбала* (и даже *Сорбало*) с ростовской рекой *Сара* и предположить, что при опустошении *Сарского городища* (название которого не народное, а дано археологами) его мерянские жители мигрировали в СУ. Однако об этом у нас нет ни малейших свидетельств, зато параллельный ойконим *Сарбала* относится к Самарской губернии [RGN 1977, VIII: 103]. Не исключена связь и с названием районного центра современной республики Удмуртии – *Сарапул* на реке Кама [RGN 1977, VIII: 101]. (Ср. также вышеупомянутые **Вожевал > Вожбал, Вожбала, Вожбола*?) Для оправдания мнения о миграции хотелось бы видеть в СУ такие действительно единичные ойконимы, как *Пужбол(о)*, *Шурскол(о)*.

Миграция меря обосновывается А.К. Матвеевым еще ее необыкновенно быстрым исчезновением со страниц русских летописей [Матвеев 1998: 100]. Нам думается, что в основном народ остался в своих краях. Иначе нельзя объяснить объемный субстрат не только в топонимии, но во многом и в диалектной лексике по всей территории его обитания. Естественно, ареальные различия есть и по интенсивности субстрата, но родина предполагаемых Матвеевым мигрантов, Ростовская округа, хорошо сохранила субстрат. Это предполагает достаточно долгое сожительство славян и мерян. Следовательно, вряд ли можно допустить быстрое обрусение этого народа, хотя и не считаем возможным ссылаться при этом на "мерю Устьянских волостей" [Альквист 1997: 35; ср. Матвеев 1996: 10; 1998: 100].

Кроме того, летописи упоминают о черемисах вообще только в общем изложении, тогда как меря упоминается до 907 г. (см. [ИЛ 1998: 8, 22; ЛЛ 1997: 11, 29]). Несмотря на это марийский народ до сих пор процветает. Никакого доказательства того, что меря впоследствии стала называться черемисами, нет, вопреки предположению А.К. Матвеева [Матвеев 1998: 100]. В этой связи важен вопрос, почему в ВП не сохранились никакие сведения о мерянах (ср. [Матвеев 1998: 99])? В центральных областях народная память о них почти полностью стерта после нашествия монголо-татар, что привело к массовому уничтожению населения (см. [Кучкин 1984: 104]): подобного на Севере не было. По всей видимости, в ВП должны были бы иметься какие-то сведения, если меряне (или их непосредственные потомки) пришли туда в такое позднее время. (Конечно, при этом не надо забывать о возможном обобщающем названии – *чуди*.) Матвеев признается, что несколько юго-восточнее "мерянского" треугольника СУ, в пределах ВП, жители двух смежных сел до сих пор имеют коллективное прозвище *черемисы* [Матвеев 1998: 100]. Этот факт можно объяснить только тем, что здесь и жили марийцы. Соответственно и по реке Унже еще достаточно хорошо помнят о черемисах, о чем мы писали выше. Даже к левому притоку Ваги, к реке Паденьге относится населенный пункт *Вяткинская* [Ровдино 1995].

А.И. Попов говорит о сравнительно недавнем наличии значительного числа марийцев в костромских и галичских лесах, напоминая, что в свое время это было одно из самых подвижных финно-угорских племен [Попов 1974: 25]. К Макарьевскому, Кологривскому и к Кинешемскому уездам Костромской губернии относились ойконимы с основой *Черемис-*. Даже на востоке Владимирской области, в бывшем Вязниковском уезде были две деревни *Черемисино* [Гордеев 1985: 100–102]. Вряд ли есть причина сомневаться в этнотопонимности подобных топонимов этих краев (см. перечень ойконимов с основой *Черемис-* [RGN 1981, X: 79–80]), хотя и следует помнить о доле антропонимов и народной этимологии. Распространение определенных признаков культуры юмского типа, принадлежащей предкам одной из групп марийского народа, хорошо сочетается с наличием не только названных этнотопонимов, но и названий *Ингирь*, *Вятка*, *Элнатъ* с производными. Удивляет наличие отдельных свидетельств данной культуры не только на юго-восточном побережье Ладожского озера, но и в среднем течении Ваги. (См. [Генинг 1967: 55–58, 69].) Это может являться прямым свидетельством наличия на Севере группы древних мари.

Более того, в бассейне Ваги и ее притоков, в том числе Устья, имеется коллективное прозвище жителей некоторых деревень, – *зырь* [Матвеев 1998: 100]. Еще интересно то, что все эти деревни входят в зону наименований *Синие Камни*, *Едьма*, *-енгарь*, *-курга* и протетического звука *в-* (> *б-*). А.К. Матвеев утверждает, что "население зоны ВП, включая СУ (иначе говоря, древних Устьянских волостей), уже в период контакта с русскими... именовалось *зырью*, *зырянами*". То, что в ВП не встречаются названия, производные от этнонима *меря*, объясняется Матвеевым тем, что "на поздних мерянских мигрантов был перенесен внешний этноним *зырь*" [Матвеев 1998: 100].

Мерю с черемисами и зырью, вопреки А.К. Матвееву [Матвеев 1998: 100], не могли путать. Зато есть письменные и устные сведения об использовании в отношении мери обобщающего наименования прибалтийско-финских народов – *чудь* (см. например, [Попов 1973: 98–99; Агеева 1990: 99; Ahlqvist 1998в: 33]). Название "средне-устьянская (важско-устьянская) меря" [Матвеев 1998: 102] фактически обозначает устьянских черемисов или зырь, либо в совокупности устьянских финнов или чудь. Прежде всего там, в западной части бассейна Северной Двины Е.А. Рябинин локализует земли чуди заволочской. Для XI–XIII вв. вероятно взаимосвязь с областью по течению Ваги и ее притоков, для XIV–XV вв. – с Поважьем и нижним Подвиньем. Рябинин также не исключает возможности того, что это население проживало и на прилегающих территориях [Рябинин 1997: 115]. Земли чуди заволочской в южном направлении принято разграничивать рекой Сухоней [Седов 1987: 8–9, карта 1; Kirkinen 1990: 244, карта 1]. Археологические исследования Е.И. Горюновой по реке Сухоне свидетельствуют о наложении различных культур [Горюнова 1961: 151].

Хотя основа культуры населения Поволжья считается родственной культуре веси, территориальная близость к пермским племенам наложила отпечаток на нее [Голубева 1987: 66]. Географическая чудь заволочская располагалась между весью и коми-зырянами (см. [Седов 1987: 8–9, карта 1]). Северо-восточнее, в обозримой по северным масштабам близости находились земли древних коми, ванвиздинской культуры, как указывает А.Е. Леонтьев (см. также [Розенфельдт 1987: 118, карта 24]). Западные границы расселения пермян указываются даже в верховьях Ваги и на средней Сухоне (см. [Афанасьев 1985: 69]). Нерусское население ВП вполне могло сохраниться еще в предполагаемое А.К. Матвеевым время, в XV–XVI вв. [Матвеев 1998: 99]. Только называть его именно (важско-устьянской) мерей мы не видим никакого основания.

В свете новых данных А.К. Матвеева возможность мерянской миграции в ВП стала, по-видимому, еще невероятнее. На соответствующей территории следует искать следы этнических групп, называемых "зырянами" и "черемисами". Если на основании предполагаемых переносных названий *Ростово*, *Устья* и *Которосль* мы хотим связать рассматриваемую территорию с Ростовщиной, для этого не надо привлекать мерян-

ские данные. Гипотетически остается две возможности: либо миграция домерянского, финно-угорского населения, либо миграция постмерянского, древнерусского населения.

А.П. Афанасьев напоминает о том, что с IV в. н.э. Прикамье и Среднее Поволжье испытывали постоянное давление древних угров и тюркоязычных племен с востока и юго-востока. Тогда древнее финноязычное население территории не только частично смешалось с пришельцами, но и переселилось в бассейны северных рек [Афанасьев 1985: 75]. Однако домерянское население Волго-Окского междуречья, представители дьяковской культуры, при становлении мерянской культурной фазы могли теоретически оставаться на своих местах обитания¹². Можем предположить, что их миграция происходила либо уже при прямом столкновении с мерянами, которые по археологическим доказательствам засвидетельствованы на территории, указанной в летописях, с VII в. н.э. (см. [Леонтьев 1996: 22]), либо спустя некоторое время, например при появлении в тех же краях дополнительного населения, славянских мигрантов. (Частичный переход субсубстратной топонимии к мерянам предусматривает сожительство или ассимилирование части домерянского населения с мерянами). Весомой причиной миграции, появившейся вслед за славянами, можно считать христианизацию. Часть мигрантов могла остаться и по пути, в том числе на Вологодской земле.

Не следует забывать, что центральная меря занималась прежде всего земледелием. Тем более, если меряне пришли со стороны Поочья [Леонтьев 1996: 21–22], т.е. с зоны перехода лесной полосы на лесостепную, очень трудно представлять их уход на север, в лесную глухомань, где их основными промыслами должны были бы оказаться охота и рыболовство. Поэтому естественным кажется переход на север групп населения, для которых условия жизни оказались там лучше, чем на Ростовщине. Охотникам должны были быть знакомы "пушнинные" угодья Севера. Именно домерянское население летописной территории мери должно было иметь эти промыслы как основные. Также *Синие камни* подтверждают сильную привязанность именно к природным промыслам, чем можно объяснить и скопление *Синих камней* в СУ: ведь именно охотниками и рыболовами подобные традиции лучше всего сохранялись. На земле древней мери и по сей день *Синие камни* являются важными ориентирами как раз для охотников, которые о них и лучше помнят. Отсутствие на Севере самых распространенных показателей топонимии летописной территории мерян, подобных основе *Кунд(V)*-, могут также служить свидетельством о "домеряничности" мигрантов. В этой связи не следует забывать и *Мирских камней*.

В языке домерянского населения мерянской территории должны были быть определенные, в чем-то соотносимые с пермскими языками элементы. Некоторые следы языка Мерянской земли (*-шор*, *-шур*; *бож*) носят пермский отпечаток. Е.И. Горюнова отмечает связи Нижнего Прикамья с территорией Волго-Окского междуречья, выделяя существование ананьинских племен в Костромском и Ивановском Поволжье [Горюнова 1961: 22–23]. А.П. Афанасьев считает возможным связывать гидронимы пермского типа в пределах средней Волги и Волго-Окского междуречья не только с ананьинской эпохой, но и с различными этапами дьяковско-городецкой культуры [Афанасьев 1985: 75]¹³. Подобное население могло при миграции перенести древние названия *Которосль* и *Устье*. Формирование ойконима *Ростов* или названий на *-бол(V)*, *-бал(V)* вполне могут относиться к тому времени и состоянию, которое предполагаемые мигранты еще застали на Ростовской земле. Гипотетически они могли называться "зырью". Напомним, что *Синий камень* фигурирует и в Прикамье.

¹² Существует мнение, что в последнюю четверть I тыс. н.э. поздние дьяковские селения остались на Москве-реке и на верховьях Волги (см. [Callmer 1994: 32]).

¹³ Надо также отметить, что факт появления в Ярославском Поволжье в середине X в. сосудов с округло-уплощенным дном свидетельствует, по мнению В.Н. Седыха, о притоке групп населения из районов Верхнего Прикамья, откуда их путь лежал, вероятнее всего, через Белоозеро [Седых 1985: 74].

Хотя подобное переселение было теоретически вполне возможным, никаких доказательств этого нет. Археология не располагает необходимыми данными, которые могли бы подтвердить такую гипотезу. Кроме того, история говорит о миграции постмерянского, древнерусского населения Ростовщины на Север. Как подчеркивает А.Е. Леонтьев (ср. также [Матвеев 1998 : 103]), именно в начальный период освоения русского Севера, в XII–XIV вв. очевидно появление нового населения в СУ и ВП.

С конца второй трети XII в. началось движение русского населения на восток и север, в направлении Подвинья (Заволочья) [Кучкин 1984 : 89, 315–316]. Уже в начале XIII в. в состав Ростовского удельного княжества входили земли по Сухоне и верхнему течению Северной Двины с прилегающими территориями, включая Верхнее и Среднее Устье (см. [Кучкин 1984 : 102, рис. 3, 275, 316]). Для сбора дани на землях нижнего течения Сухоны и на части Заволочья возник ростовский форпост, город Устюг [АКК 1997: 171].

Е.А. Рябинин утверждает, что вследствие монголо-татарского вторжения во второй половине XIII–XIV в. Важская область и прилегающие территории стали объектом массовой верхневолжской крестьянской колонизации [Рябинин 1997: 147–148]. В XIV в. Устюжский край вместе с землями на севере и на западе относился именно к Ростовскому княжеству (см. [Кучкин 1984 : 120, карты на вклейке]).

Поселенцы вполне могли принести с собой на Север привычные топонимы, в частности, триаду *Ростово–Устья–Которосль*, но для рассматриваемого времени это уже элементы русского языка. При этом остальные топонимические компоненты (ойконимы на *-бол* и т.д.) СУ и ВП скорее всего автохтонны, как отмечает А.Е. Леонтьев. В этой связи можно упомянуть об общности субстратных топонимических компонентов на огромных территориях и о наличии на Севере финно-угорских субстратных слоев более ранних эпох.

В любом случае предполагаемые мигранты, по указанным А.К. Матвеевым сведениям, собственно мерянский язык не переносили. Совпадающие с марийским языком следы ВП настолько специфично марийские, что они к ним и относятся (ср. примеры А.К. Матвеева [Матвеев 1998 : 99–100], гидронимия на *-енгарь* и т.п.). Матвеев и пришел к выводу, что "марийцы могли принимать участие в освоении Севера и, в частности, ВП" [Матвеев 1998 : 102–104]. Напомним еще раз о христианизации, что заставляло марийцев большими группами переселяться на восток (см. также [Матвеев 1998 : 104]). Возникает вопрос, не могли ли марийцы принимать участие в походах волжских булгар на Север в XIII в. (ср. сноску 11)?

Отметим, что северо-восточный уголок Костромской области сохранил некоторые топонимы с яркой марийской окраской типа *Пертюг* ([Костр. обл. 1997: 6]; этимологию основы см. [Галкин 1991 : 98]). Эти элементы обнаруживаются и в топонимии восточной части Вологодской области, где повторяется тот же *Пертюг* [Вол. обл. 1998 : 80, 83]. Там есть еще населенный пункт *Черемисские* [Вол. обл. 1998 : 57]. При этом надо учесть топонимию "древнесеверофинского" типа, носящую и сходные с волжскофинскими, в том числе с марийским языком, элементы (ср. [Матвеев 1996 : 20; 1998 : 101, 104]).

На основании сказанного выше некоторые моменты в запутанной истории заселения Средней и Северной России могут со временем проясниться (ср. [Матвеев 1998 : 101]). Когда речь идет о серьезных переселенческих процессах, сведения о которых не зафиксированы ни историческими документами, ни народными легендами, надежные выводы можно сделать, опираясь не только на языковые, ономастические сведения, но и с учетом фактов других дисциплин – археологии и антропологии с генетикой.

Поскольку хорошо известно, какие деревни в ВП были заселены *зырью* и какие *черемисами* (см. [Матвеев 1998 : 100]), теперь надо стремиться к тому, чтобы провести в них археологические исследования, а также изучить состав коренного населения методами антропологии (сравнение подростовского, коми и марийского населения). Без учета этих факторов окончательного решения проблемы не будет. При этом огромную помощь могли бы оказать палинологические и почвоведческие исследования.

которые могли бы пролить свет на зарождение земледелия на рассматриваемой территории.

Если поиски мерянского субстрата в северном направлении будут продолжаться, перспективнее ВП (ср. [Матвеев 1998 : 98]) кажется исследование течения Северной Двины, в котором, кроме гидронима *Вычегда*, имеется ряд топонимов с компонентом *-хта*, *-гда*, такие, как *Рочегда* и *Челмохта*, относящиеся к бывшим землям Ростовского княжества вблизи низовьев Ваги и Емцы. Севернее течет река *Кехта*, но двусложные названия могут оказаться и чисто отапеллятивными. При исследовании следует быть осторожными из-за возможности прибалтийско-финского влияния на этих землях. По Двине имеется также *Ростовское* [Арх. обл. 1995]; на Вычегде стоит деревня *Кибалина* [ВГ 1866 : 243], название которой (а не приведенный А.К. Матвеевым ойконим *Кубал(о)* [Матвеев 1996 : 13]) фонетически сопоставимо с подсудальским *Кибол(о)*. Подчеркнем, что в торговом отношении Север должен был быть достаточно хорошо знаком и самим мерянам.

С перспективностью поисков в районе Кубенского озера – и, конечно, вообще в окружности Вологды – я с А.К. Матвеевым [Матвеев 1998 : 98] совершенно согласна.

Естественные связи меряне должны были иметь в сторону Белозерья, расстояние до которого от Кубенского озера близ Вологды совсем незначительное – километров 75. Река Шексна издавна связывала Белоозеро с Волго-Окским междуречьем, с Ростово-Суздальским краем, будучи удобным колонизационным и торговым путем (см. [Попов 1947 : 166; Кучкин 1984 : 309]). Сначала по Волге с притоками и потом по Шексне туда можно было легко попасть из западных, южных, центральных и даже юго-восточных частей обширной Мерянской земли. Археологами подтверждается, что в начале X в. финское население бассейна Галичского озера было включено в систему активных связей с Северо-Западом, осуществлявшихся через Белозерье и реку Шексну [АКК 1997 : 147].

Предполагается, что уже в начале XI в. территория Ростова включала, кроме Суздаля и Ярославля, также Белоозеро (см. [Кучкин 1984 : 59, 74, рис. 1]). Летописи указывают связи Мерянской земли с Белозерьем. Стоит только вспомнить восстание в Ростовско-Ярославской земле под руководством волхвов, о котором рассказывается в летописях под 1071 г. [ИЛ 1998 : 164–168; ЛЛ 1997 : 175; Фроянов 1986 : 30]. Отсюда ясна тесная и древняя связь этих областей [Попов 1947 : 166]. Вследствие монголо-татарских вторжений часть населения Суздальщины, и, видимо, Ростова, бежала в район Белоозера [Кучкин 1984 : 122]. Именно Белозерье могло быть стороной естественного продвижения части мерян Ростово-Суздальской земли, о чем пишет Н.А. Макаров (см. [Макаров 1989 : 101]). Поскольку такие связи с Белоозером имелись в начале славянской колонизации даже у костромской мери, не говоря уже о центральной, то трудно представить причину, которая заставила бы мерян вдруг переехать в совершенно иную сторону, к землям Заволочской чуди.

Белоозеро было территорией обитания веси. В топонимии Белозерья и Мерянской земли встречаются не только общие компоненты, но и общие фонетические особенности (ср. [Альквист 1987 : 28; Матвеев 1998 : 102]). Кроме гидронимов на *-хта*, *-гда*, Белозерье связывается с Мерянской землей, например, одинаковым фонетическим обликом топоосновы *Ухт(V)*–: ср. населенный пункт *Ухтома* на реке *Ухтомка* на западном берегу Белого Озера [Вол. обл. 1998 : 45], хотя западнее имеются формы с *Охт(V)*–, выступающие на Севере в виде *Вохт(V)*–. Топооснова со значением ‘камень’ встречается в Белозерье, как и на Мерянской земле, в виде *Ки(v)*–, иногда *Ки(y)*– с названиями Мерянской земли *Кибол*, *Киучер(ка)* и т.д. сравнима основа погамонима и ойконима *Киуй* (*Кивой*, *Кивуй*) на северном берегу Белого Озера [Вол. обл. 1998 : 45; Попов 1947 : 172], которые, в свою очередь, связываются с гидронимией бассейна реки Свирь (гидронимы типа *Кивуй*, *Кивой*, *Кивуя*, *Кивоя* и т.д. [СГБС 1997 : 124]). На обследуемых А.К. Матвеевым северных территориях основа выступает исключительно в сходной с марийским языком форме *Ку*–. В Белозерье встречается топооснова

Ченц(V)- (см. [Вол. обл. 1998 : 43], где имеется *Ченчозеро*), крайне распространенная по всей Мерянской земле. Ср. еще, например, озеро *Чачема* южнее Белого Озера [Вол. обл. 1998 : 66] с озером *Чачино* в Ростовском районе, озеро *Ваикозеро* [Вол. обл. 1998 : 45] с названием села *Вашка* Переславского района. А.П. Попов усматривает в топонимии Белозерья и мерянские языковые элементы [Попов 1947 : 167]. Матвеев считает многочисленные названия на *-бол*, *-пал* Белозерского края особенно близкими к мерянским [Матвеев 1996 : 7].

Меряне, не меряне? Однако все же финно-угры. Вопрос требует дальнейшего исследования. В данном изложении мы хотели только показать и иные возможности решения проблемы. Мы продолжим эту тему на страницах "Вопросов языкознания" этимологизацией топонимических компонентов Мерянской земли. При этом мы обсудим не только некоторые этимологии А.К. Матвеева, но и совершенно новые, в частности ряд приведенных в данном изложении субстратных топонимов. Хотелось бы привлечь к дискуссии также специалистов, ранее не высказывавших свое мнение о мерянской проблематике. Учитывая поставленный вопрос о возможности скандинавского влияния на фонетический облик ойконимического суффикса *-бол(V)*, *-бал(V)*, было бы полезно узнать и точку зрения исследователей эпохи викингов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агеева Р.А. 1990 – Страны и народы: происхождение названий. М., 1990.
- АКК 1997 – Археология Костромского края / Под ред. А.Е. Леонтьева. Кострома, 1997.
- Альквист А. 1992 – Наблюдения над финно-угорским субстратом в топонимии Ярославского края на материале гидронимических формантов *-(V)ga* и *-(V)nga*, *-(V)nda* // *Studia Slavica Finlandensia*. VIII. Helsinki, 1992.
- Альквист А. 1995 – Синие камни, каменные бабы. JSFOu. 86. Helsinki, 1995.
- Альквист А. 1996 – Загадочные камни Ярославского края // *Congressus Octavus Internationalis Fenno-Ugristarum Jyväskylä 10.–15. 8. 1995. Pars VII. Litteratura. Archaeologia et Anthropologia*. Jyväskylä, 1996.
- Альквист А. 1997 – Мерянская проблема на фоне многослойности топонимии // ВЯ. 1997. № 6.
- Альквист А. 1998 – Субстратная лексика финно-угорского происхождения в говорах Ярославско-Костромского Поволжья // *Studia Slavica Finlandensia*. XV. *Studia Slavica Finlandensia in Congressu XII Slavistarum Internationali Cracoviae anno MCMXCVIII oblata*. Helsinki, 1998.
- Арх. обл. 1995 – Архангельская область. Ненецкий автономный округ. М., 1995.
- Афанасьев А.П. 1985 – Западные и юго-западные границы гидронимов пермского типа // Проблемы этногенеза народа коми // Труды Института языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР. Вып. 36. Сыктывкар, 1985.
- Афанасьев А.П. 1996 – Топонимия республики Коми. Словарь-справочник. Сыктывкар, 1996.
- ВГ 1866 – Вологодская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 года. СПб., 1866.
- Веселовский С.Б. 1974 – Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974.
- Влад. обл. 1998 – Владимирская область. Топографическая карта. М., 1998.
- Вол. обл. 1998 – Вологодская область. Топографическая карта. М., 1998.
- Галкин И.С. 1967 – Топонимика Марийского края в связи с вопросом происхождения марийского народа // Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола, 1967.
- Галкин И.С. 1991 – Кто и почему так назвал. Рассказы о географических названиях марийского края. Йошкар-Ола, 1991.
- Галушко Л.Г. 1962 – Названия "каменной" реки Чусовой // Вопросы топонимистики. Свердловск. Вып. 1. 1962.
- Генинг В.Ф. 1967 – Некоторые проблемы этнической истории марийского народа (о мерянской этнической общности) // Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола, 1967.
- ГМР 1985 – Гидронимы Марийской АССР // Вопросы марийской ономастики. Вып. 5. Йошкар-Ола, 1985.
- Голубева Л.А. 1987 – Чудь заволочская // Финно-угры и балты в эпоху средневековья / Археология СССР. М., 1987.

- Гордеев Ф.И. 1985 – О былых связях древнемарийских племен со своими соседями по дан-
ным ономастики // Вопросы марийской ономастики. Вып. 5. Йошкар-Ола, 1985.
- Горюнова Е.И. 1961 – Этническая история Волго-Окского междуречья // МИА. № 94. М.,
1961.
- Дубов И.В. 1982 – Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья. (Историко-Археоло-
гические очерки.) Л., 1982.
- Ив. обл. 1997 – Ивановская область. Топографическая карта. М., 1997.
- ИЛ 1998 – Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 1998.
- Инжеватов И.К. 1987 – Топонимический словарь Мордовской АССР. Названия населенных
пунктов. 2-е изд. Саранск, 1987.
- Карта фра Мауро 1871 – Материалы для историко-географического атласа России. Карта
части света 1459 года. Fac-simile с копии, снятой виконтом де Сантаремом с подлинной
карты, составленной фра Мауро для Альфонса V, короля Португальского, современника
великому князю Василию Васильевичу Темному. СПб., 1871.
- Кизема 1995 – Кизема. М., 1995.
- КО 1983 – Костромская область: административно-территориальное деление на 1 января
1981 года. Ярославль, 1983.
- Костр. обл. 1997 – Костромская область. Топографическая карта. М., 1997.
- Кривошекова-Гантман А.С. 1968 – Гидронимия коми-пермяцкого происхождения в При-
камье // Географические названия Прикамья. Пермь, 1968.
- Кузнецов А.В. 1995 – Названия вологодских озер. Словарь лимнонимов финно-угорского
происхождения. Вологда, 1995.
- Куклин А.Н. 1985 – Названия физико-географических объектов Марийской АССР (с ком-
ментариями) // Вопросы марийской ономастики. Вып. 5. Йошкар-Ола, 1985.
- Куклин А.Н. 1998 – Топонимия Волго-Камского региона. (Историко-этимологический ана-
лиз.) Йошкар-Ола, 1998.
- Кучкин В.А. 1984 – Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в
X–XIV вв. М., 1984.
- Лебедев Г.С. 1985 – Северо-восток Европейской части России в середине I тыс. н.э. (Состоя-
ние письменных и археологических данных) // Материалы к этнической истории Евро-
пейского Северо-востока. Сыктывкар, 1985.
- Леонтьев А.Е. 1996 – Археология мери. К предыстории Северо-Восточной Руси // Археоло-
гия эпохи великого переселения народов и раннего средневековья. Вып. 4. М., 1996.
- ЛЛ 1997 – Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись. М., 1997.
- Макаров Н.А. 1989 – Новгородская и Ростово-Суздальская колонизация в бассейнах озер
Белое и Лача по археологическим данным // СА. 1989. № 4.
- Малодоры 1995 – Малодоры. 1995.
- Матвеев А.К. 1965 – Топонимические элементы *явр*, *ягр*, *яхр* (озеро) на Русском Севере (к
вопросу об использовании данных физической географии в топонимических исследова-
ниях) // Известия АН СССР. Серия географическая. 1965. № 6.
- Матвеев А.К. 1978 – Топонимические этимологии. XI. (Название озера Неро) // СФУ. 1978.
XIV.
- Матвеев А.К. 1996 – Субстратная топонимия Русского Севера и мерянская проблема // ВЯ.
1996. № 1.
- Матвеев А.К. 1998 – Мерянская топонимия на Русском Севере – фантом или феномен? // ВЯ.
1998. № 5.
- Мачинский Д.А. 1985 – Ростово-Суздальская Русь в X в. и "три группы Руси" восточных ав-
торов // Материалы к этнической истории Европейского Северо-Востока. Сыктывкар,
1985.
- Мельникова Е.А. 1986 – Древнескандинавские географические сочинения. М., 1986.
- ММ 1926 – Упымарий (В.М. Васильев). Марий мутэр. Тўрлө вэрэ илышэ марийын мутшын
тангастарэн нэргэлымэ кнага. Моско, 1926.
- Моск. обл. 1996 – Московская область. Топографическая карта. М., 1996.
- Нерознак В.П. 1983 – Названия древнерусских городов. М., 1983.
- Нижег. обл. 1998 – Нижегородская область. Топографическая карта. М., 1998.
- Носов Е.Н. 1992 – Происхождение легенды о призвании варягов и балтийско-волжский
путь // Древности славян и финно-угров. Доклады советско-финляндского симпозиума по
вопросам археологии 16–22 мая 1986 г. СПб., 1992.

- ОЯО 1970 – Озеро Ярославской области и перспективы их хозяйственного использования / Отв. ред. В.Л. Рохмистров. Ярославль, 1970.
- Попов А.И. 1947 – Топонимика Белозерского края // Ученые записки ЛГУ. № 105. Серия востоковедческих наук. Вып. 2. Л., 1947.
- Попов А.И. 1973 – Названия народов СССР. Введение в этнонимистику. Л., 1973.
- Попов А.И. 1974 – Топонимика древних мерянских и муромских областей // Географическая среда и географические названия. Сборник статей. Л., 1974.
- РГАДА б.г. – Российский государственный архив древних актов. М.
- РМЭ 1995 – Республика Марий Эл. М., 1995.
- Ровдино 1995 – Ровдино. 1995.
- Розенфельдт Р.Л. 1987 – Прикамские финны // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987.
- Рохмистров В.Л. 1969 – Некоторые морфометрические характеристики рек Ярославского Поволжья // ЯГПИ. Уч. зап. Вып. 75. География и геология. Ярославль, 1969.
- Рябинин Е.А. 1997 – Финно-угорские племена в составе древней Руси. К истории славяно-финских этнокультурных связей. СПб., 1997.
- Ряз. обл. 1995 – Рязанская область. Топографическая карта. М., 1995.
- Самарянов В.А. 1875 – Следы поселений мери, чуди, черемисы, еми и других инородцев в пределах Костромской губернии // Древности. Т. VI. Вып. 1. М., 1875.
- СВКС 1909 – Старинные волости и станы в Костромской стороне. Материалы для Историко-географического словаря Костромской губернии. СПб., 1909.
- СГБС 1997 – И.И. Муллонен, И.В. Азарова, А.С. Герд. Словарь гидронимов Юго-Восточного Приладожья (бассейн реки Свирь). СПб., 1997.
- Седов В.В. 1987 – Введение // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987.
- Седых В.Н. 1985 – К характеристике лепной керамики Ярославского Поволжья // Материалы к этнической истории Европейского Северо-Востока. Сыктывкар, 1985.
- Смирнов М.И. 1911 – Переславль-Залесский. Его прошлое и настоящее. М., 1911.
- Смирнов М.И. 1928 – Актография Переславль-Залесского уезда XVII в. / Труды Переславль-Залесского историко-художественного и краеведческого музея. Вып. V. Переславль-Залесский, 1928.
- Смирнов М.И. 1929 – Историко-географическая (хорографическая) номенклатура Переславль-Залесского края. (Материалы для ее изучения.) / Труды Переславль-Залесского историко-художественного и краеведческого музея. Вып. XI. Переславль-Залесский, 1929.
- Смолицкая Г.П. 1973 – Субстратная гидронимия бассейна р. Оки // Ономастика Поволжья. 3. Материалы III конференции по ономастике Поволжья. Уфа, 1973.
- Смолицкая Г.П. 1974 – Картографирование гидронимии Поочья // Вопросы географии. Сб. 94. Топонимия Центральной России. М., 1974.
- Смолицкая Г.П. 1976 – Гидронимия бассейна Оки. (Список рек и озер). М., 1976.
- Строевское 1995 – Строевское. Топографическая карта. М., 1995.
- СФ 1997 – Е. Грушко, Ю. Медведев. Словарь фамилий. Нижний Новгород, 1997.
- Тв. обл. 1998 – Тверская область. Топографическая карта. М., 1998.
- Терентьева О.П. 1994 – Гидронимы Ветлужско-Вятского междуречья (потамонимы). Автореф. дис... канд. филол. наук. Йошкар-Ола, 1994.
- ТИРИ 1772 – Топографические известия, служащие для полного географического описания Российской империи. Т. 1., Ч. 2. СПб., 1772.
- Ткаченко О.Б. 1985 – Мерянский язык. Киев, 1985.
- Фроянов И.Я. 1986 – О языческих "переживаниях" в верхнем Поволжье второй половины XI в. // Русский Север. Проблемы этнокультурной истории, этнографии, фольклористики. Л., 1986.
- Черных С.Я. 1995 – Словарь марийских личных имен. Йошкар-Ола, 1995.
- ЭКНЭС 1977 – Д.В. Цыганкин, М.В. Мосин. Эрзянь келень нурькине этимологической словарь. Саранск, 1977.
- ЭСРЯ 1964–1973 – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. I–IV. М., 1964–1973.
- ЯО 1986 – Ярославская область: административно-территориальное деление (на 1 января 1986 года). Справочник. Ярославль, 1986.

- ЯОСК б.г. – Ярославский областной словарь. Картотека. Кафедра русского языка Ярославского государственного педагогического института. Ярославль.
- Яр. обл. 1997 – Ярославская область. Топографическая карта. М., 1997.
- Ahlqvist A. 1993 – Ihmar' ja Kuhmar' // MSFOu 215. Festschrift für Raija Bartens. Helsinki, 1993.
- Ahlqvist A. 1998a – Merjalaiset – suurten järvien kansaa // Virittäjä, 1998. № 1.
- Ahlqvist A. 1998b – Kižila ja Kinela // MSFOu 228. Oekeeta asijoo. Commentationes Fenno-Ugricae in honorem Seppo Suhonen sexagenarii. Helsinki, 1998.
- Ahlqvist A. 1999 – Ihmisiähän ne merjalaisetkin olivat... / Virittäjä, 1999. № 4.
- Callmer Johan 1994 – The clay paw burial rite of the Åland Islands and Central Russia. A symbol in Action // Current Swedish archaeology. 1994. V. 2.
- Europaeus D.E.D. 1868 – Tietoja suomalais-ungarilaisten kansain muinaisista olopaikoista // Suomi, II jakso, 7 osa. Helsinki, 1968.
- Harling-Kranck G. 1990 – Namn på åkrar, ängar och hagar. Helsingfors, 1990.
- Kirkinen H. 1990 – Merjasta Mikkeliin // Inkerin teillä. Kalevalaseuran vuosikirja 69–70. Helsinki, 1990.
- Korhonen M. 1981 – Johdatus lapin kielen historiaan. Helsinki, 1981.
- NA б.г. – Nimiarkisto. Kotimaisten kielten tutkimuskeskus. Helsinki.
- Nissilä Viljo 1962 – Suomalaisista nimistötutkimusta // Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia 272, Sanakirjasäätiön nimistöjaoaksen julkaisuja 2. Helsinki, 1962.
- Pamp Bengt 1988 – Ortnamnen i Sverige. Lund, 1988.
- RGN 1964–1988 – Russisches Geographisches Namenbuch. Bd. I–XI / Begründet von M. Vasmer. Hrsg. von M. Vasmer und H. Bräuer. Wiesbaden, 1964–1988.
- Saarinen S. б.г. – Iksa. Sana-artikkeli "Marin kielen sanakirjaa" varten. Turun yliopisto. Turku.
- Sahlgren J. 1925 – Nordiska ortnamn i språklig och saklig belysning. 7. Sunnerbo, Vadsbo och Lungbo. Ett bidrag till *bo*-inledningens historia / Namn och Bygd. Tidskrift för nordisk ortnamnsforskning. Årgång 13. 1925. Hf. 4.
- SSA 1992 – Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. 1. Erkki Itkonen, Ulla-Maija Kulonen, 2. – Ulla-Maija Kulonen. Helsinki, 1992.
- Thors Carl-Eric 1953 – Studier över finlandssvenska ortnamenster / Studier i nordisk filologi. Bd. 42. Helsingfors, 1953.
- UEW 1986–1991 – K. Redei. Uralisches Etymologisches Wörterbuch. Bd. I–III. Budapest, 1986–1991.
- Uino P. 1997 – Ancient Karelia. Archaeological studies / Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja, 104. Helsinki, 1997.
- Vasmer M. 1935 – Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas. III. Merja und Tscheremissen // Schriften zur slavischen Altertumskunde und Namenkunde / Hrsg. von H. Bräuer. Bd. I. Berlin, 1971.
- Veen A. 1613 – Nativus Sueciae adjacenti umque regnorum typus. 1613. Helsingin yliopiston kirjasto. 1613.
- WRG 1961–1973 – Wörterbuch der russischen Gewässernamen / Zusammengestellt unter Leitung von M. Vasmer. Bd. I–V. Nachtrag. Berlin, 1961–1973.